

КОГДА до мира дошли первые смутные сообщения о трагедии в Гранаде, Испания была пересечена замысловатыми линиями неустановившихся фронтов, между разными ее зонами практически не было сообщения. 1 сентября 1936 года мадридская газета «Соль» и газета «Диарио де Альбасете» сообщили об убийстве Лорки, составившем на неопровержимые источники. Но лишь десять дней спустя страшная новость была официально подтверждена правительством в Мадриде.

И все же мало кто тогда поверил этому. Находившийся в Мадриде Пабло Неруда (он был там чилийским консулом) позже писал: «Самое собою, никому не могло прийти в голову, что его когда-нибудь убьют... Он был самым любимым поэтом в Испании, его любили больше всех, а его чудесное умение рассказывать делало его — как никого другого — похожим на ребенка. Кто бы поверил, что на земле, что на его земле случится чудовищная, способная на такое невероятное преступление?»

Когда сомнения рассеялись окончательно, Испания и весь мир были потрясены. Обратно вновь к Неруде, точно передавшему эти чувства: «Война в Испании, из-

дона Федерико Гарсиа Лорки мне неизвестно».

Но общечеловечность всего мира продолжала требовать объяснений. И тогда с комментариями выступил сам Франко. В интервью журналисту Рикардо Сансу, опубликованном в мексиканской газете «Пренса» 26 ноября 1937 года, каудильо, перемежая цинизм с невежеством, заявил: «За границей очень много говорят об одном писателе из Гранады, подлинный талант которого мне не дано измерить, как невозможно судить, насколько широко распространилась бы за пределами Испании его слава, если бы он остался в живых. О нем говорят так много потому, что красные использовали его имя для своей пропаганды. Однако факт остается фактом: в первые моменты восстания в Гранаде этот писатель погиб, ибо он связался с бунтовщиками. Это естественные случайности, неизбежные в ходе военных действий... Так что запомните раз и навсегда: мы не расстреляли никакого поэта».

Этим заявлением руководствовались не только франкистская пропаганда, которая тщетно старалась сначала замолчать, а затем — также тщетно — принизить значение фигуры и творчества поэта. Им также руководствовались и

стивиями. Проезжая по пригородам Мадрида, он сказал Надалю: «Рафаэль, эти поля скоро покроются трупами».

В андалузском экспрессе, вспоминает Надал, они стояли в коридоре спального вагона. Мимо прошел какой-то человек, Лорка, резко отвернувшись, зашептал: «Инциррала! Инциррала!» (в Андалузии так «говорают» надвигающуюся беду). Надаль спросил, что случилось. «Это фашист, очень плохой человек, бывший депутат кортесов от Гранады». Речь шла о некоем Рамоне Руисе Алонсо, который ехал в Гранаду тем же поездом. Помянув, Лорка сказал Надалю: «Ты, пожалуй, уходи. А я закроюсь в купе, чтобы меня неаромом не увидела эта тварь».

В день прибытия Лорки местная газета «Идеаль» (а в ней сотрудничал тот самый Алонсо) сообщила: «В Гранаде находится поэт Федерико Гарсиа Лорка».

Лорка приехал в родной город как раз в тот день, когда главарь мятежников передал первый приказ в выступлении против республиканцев: «17-го в 17-00». На другой день, 18 июля, мятеж вспыхнул по всей стране.

«Лето было жарким. В теннисном, полном цветов саду дома в Сан-Висенте, откуда открывается панора-

шагу, пока не поступят распоряжения».

После их ухода Лорка звонит друзьям в Гранаду. Они считают, что оставаться в отпусковом доме опасно. Кто-то распускает среди мятежников слух, что Лорка — «красный шпион» и что в Сан-Висенте у него запрятан радиопередатчик. Но особенно встревожены члены семьи тем, что среди истязателей садника находился представитель левой жандармерии. Ни для кого не секрет, что полковник, бывший депутат кортесов в Испании ненавидит всему народу, но может простить поэту стихов, ставших к тому времени уже хрестоматийными:

Их кони черны, черны,
И черен их шаг печатный.
На крыльях плащей
Горят восковые пятна.
Надежен свинцовый череп —
Заплакать жандарм не может:
Прокладит ступню ремнями
Сердца из лаковой кожи.
Полуночные и горбаты,
Несут они за плечами
Песнями смехи страха,
Клейкую тьму молчания...

Полевые жандармы, несомненно, воспользуются любым предлогом, чтобы расправиться с Лоркой. Необходимо скрыться. Но куда?

Вспоминают композитора Мануэля де Фалью, с которым Федерико связывал большую дружбу и страсть к музыке. Фалья

но, как и многие отпрыски богатых семей Гранады, вступил в фалангу. Но Федерико не верит, что Луис стал фанатичным фалангистом. И он звонит Росалесу. Луис советуется с Хосе, который без колебаний отвечает, что их дом всегда открыт для Федерико. Луис тут же на автомате приезжает за Лоркой и уводит его к себе.

Впрочем, в Гранаде многим скоро становится известно, где скрывается Лорка. Он не выходит на улицу, но и не особенно таится от многочисленных гостей, считая, что положение Росалесов — вполне надежная защита.

Так проходит восемь дней. А 16 августа дом окружает большая группа вооруженных людей. Как раз в этот момент никого из братьев Росалес дома нет. Непрощенным гостем открылась хозяйка — Эсперанса Камачо де Росалес. Вокруг группы представляется: «Рамон Луис Алонсо» (тот самый, с кем Лорка столкнулся в поезде). Он сообщает, что пришел с ордером на арест Лорки, и показывает документ. Но хозяйка отвечает твердо, что, пока не придет кто-то из мужчин ее семьи, она никого не впустит. Алонсо настаивает на своем. «Мой сын Мигель», — говорит Эсперанса, — сейчас находится в штабе фаланги

салес» кричит ему: «Как ты посмел войти в наш дом?» Алонсо отвечает: «Я сделал это под свою личную ответственность». Взбешенный Хосе вырывается к майору Вальдесу с пистолетом в руке: «Это ты велел Алонсо войти в мой дом и арестовать Лорку?» Тот, поблудев, отвечает: «Я никого не посылал к тебе домой». Сбивчивые ответы Алонсо и Вальдеса объясняются просто: как бы тупы и фанатичны они ни были, оба понимают, что арест Лорки — вещь серьезная. Неизбежно, как на это прореагирует — нет в Испании, это их не волнует — начальство. Оба они действительно рука об руку. Позже Хуан Трескастро, сопровождавший Алонсо во время ареста Лорки и затем участвовавший в его убийстве, говорил, что именно Алонсо сообщил Вальдесу о местопребывании поэта, о том, что тот «шпион» и «держит передатчик».

На следующее утро Хосе Росалес добился от военного губернатора, полковника Эспиносы (того самого, кто позже пошел лживую телеграмму Герберту Уэллсу) письменного приказа об освобождении Лорки. Хосе тут же направляется к Вальдесу. «Очень сожалую», — говорит тот, — но Гарсиа Лорки здесь уже

начальником гражданской гвардии Лисардо Довалем, который даже среди своих коллег прославился жестокостью? Или с обоими справиться? На эти вопросы ответить невозможно: никого из троих нет в живых. Однако известно, что сразу после телефонного разговора Вальдес распорядился везти Лорку в Виснар, где мятежники уничтожали свои жертвы без всякой видимости суда и следствия.

«Вечером 17 августа черной «бюнк» отвозит Лорку в селение Виснар, за девять километров от Гранады. Вместе с Лоркой — схваченный мятежниками торедор Галади. Среди охраны — названный выше Хуан Трескастро, богатый андалузский помещик, принимавший личное участие в убийстве, удовлетворял свои садистские наклонности. Машина направляется к старой школе «Ла Колонна», где содержатся жертвы перед казнью. В этом здании Лорка провел двое суток. На рассвете 20 августа — ровно 40 лет назад — «бюнк», совершая очередной рейс из Гранады, привез еще двух человек: сельского учителя Диоспоро Галиндо Гонсалеса («все учителя — красные») и его 15-летнего сына. Всех четверых ведут в преддверных сумерках к краю оврага, где кончатся оливные деревья и начи-

Федерико Гарсиа Лорка — последнее фото (Мадрид, июль 1936 года)

Хуан КОБО

КАК БЫЛ УБИТ ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА

— Чтобы убить поэта, надо его убить дважды: сначала — физически, затем — уничтожить память о нем. Убийцам Федерико последнее не удалось — память о поэте жива. Иначе мы не собрались бы на первое открытое чествование Лорки здесь, на земле Испании...

Эти слова прозвучали 6 июля в Гранаде. В гранадском пригороде Фуэнтеванерос, где родился Лорка, под открытым небом собрался тысяча испанцев, чтобы отметить очередную годовщину со дня рождения поэта. Говори-

ли Блас де Отеро, Хосе Агустин Гойтисоло, Нуриа Эсперт, Аурора Баутиста... И на канале выступление собравшихся отвечали дружным скандированием: «Сво-бо-да! Ам-ни-сти-я!»

Еще год назад, при жизни генерала Франко, такое было бы невозможно. Но в последние месяцы в Испании происходит много, что совсем недавно казалось невозможным. И здесь, в Гранаде, под давлением общественной мысли всей страны, местные власти (конечно же, после консультации с Мадридом) вынуждены

были разрешить чествование поэта. Правда, оно было ограничено всего лишь получасом.

От имени семьи Лорки в Фуэнтеванерос выступил Мануэль Фернандес Монтесинос, племянник поэта. Его отец, шурин Лорки до начала франкистского мятежа бывший алькальдом (мармом) Гранады, расстрелян в те же августовские дни 1936 года, что и Лорку.

— Простите, друзья, я буду краток, ибо у нас мало времени: мы ждали сорок лет, а сегодня нам дали лишь

полчаса... Но это только начало... Главная цель нашей встречи — восстановить справедливость в отношении Федерико Гарсиа Лорки, а отнюдь не многих тысяч убитых и замученных испанцев...

Сколько лжи, сколько клеветнических вымыслов распространялось в Испании при Франко по поводу убийства поэта! Лорки! Об этом стоит напомнить. Стоит, лишней раз увидеть, как нагло изворачивается фашизм, заветая следы своих преступлений...

Первое открытое чествование Лорки в Фуэнтеванерос 6 июля 1976 года

меняла мою поэзию, началась для меня тем, что сплунул поэт. И какой поэт! Я не встречал больше ни в ком такого сочетания блистательного остроумия и таланта, крылатого сердца и блеска под стать хрустальному водоплаву. Федерико Гарсиа Лорка был победоносным, добрым волшебником, он впитывал и дарил людям радость мира, он был планетой счастья, радости жизни. Простодушный и артистичный, одинаково не чуждый и космическому, и провинциальному, необыкновенно музыкальный, великодушный мим, робкий и суверенный, лучащийся и веселый, он словно вобрал в себя все возрасты Испании, весь цвет народного таланта, все то, что дала арабско-андалузская культура; он освещал и обдавал благоуханием, точно цветущий жасминовый куст, всю панораму той Испании, какой — боже мой! — теперь уже нет... Все на свете дарования, все таланты были у него, а он, как золотых дел мастер, как трудолюбивая пчела на пасеке великой поэзии, не скупясь, отдавал людям свой гений...

Стремясь ослабить потрясение, вызванное чудовищной расправой над человеком, которого знали и любили далеко за пределами его страны, франкисты принялись бесцеремонно лгать. 10 сентября газета «Диарио де Уэльва» заявила, будто поэт убит... в республиканском Мадриде, а спустя девять дней «уточнила», что он «расстрелян в Барселоне». «Диарио де Бургос», издававшаяся в городе, где находилась ставка Франко, пыталась дезориентировать читателей «тоньше» — со ссылкой на Париж. Во французской столице, сообщила она 22 сентября, стало «достоверно известно», что «поэт Гарсиа Лорка расстрелян в Мадриде марксистами». И для вящей «убедительности» добавляла: «Эта новость оказала большое впечатление на французские литературные круги, так как поэт был известен своими левыми взглядами».

Месяц спустя английский писатель Герберт Уэллс попытался выяснить, что же случилось с Лоркой. Он направил телеграмму во франкистскую зону, подчеркивая, что с «нетерпением ждет новостей о судьбе выдающегося коллеги Федерико Гарсиа Лорки». В ответ военный губернатор Гранады полковник Эспиноса сообщила: «Местонахождение

франкистское «правосудие». Так, 21 апреля 1940 года в Гранаде в присутствии никому не известных «свидетелей» была официально оформлена запись о кончине Лорки под № 441094 серия АП. В этом «документе» указано, что Лорка «скончался в августе 1936 года от ран, полученных в результате военных действий», и его тело было обнаружено 20 числа того же месяца на дороге из Виснара в Альфакар... В этом сертификате, как и в заявлении Франко, что ни слово — то ложь.

Так франкисты пытались «закрывать дело» о смерти Лорки — убить его второй раз. Но из этого ничего не вышло: слава поэта, огромная уже при его жизни, с каждым годом росла, его стихи и поэмы печатались на всех языках мира, пенсы шли на всех континентах. В Испании стали приезжать иностранные журналисты и исследователи, которые тайком, по крупицам (ведь террор опеналат ужасом уста свидетелей...) собирали данные о последних днях Лорки.

И тогда режим Франко изменил тактику: он стал сосредотачивать по поводу «случайной гибели» Лорки, приписывая его то тем, то другим «безответственным» группам в Гранаде. Этой пропагандистской акции придавалось столь большое значение, что ею было поручено руководить Серафно Суньеру — министру иностранных дел и правой руке каудильо. Но и эти усилия оказались тщетными. Тогда режим предпринял контрход, инспирировав (этот факт теперь доказан полностью) появление во франкистской прессе грязного пасквиля «Наконец-то вся правда о смерти Лорки». Автор пасквиля, скрывшийся под псевдонимом Жан-Луи Шонберг, утверждал, будто убийство Лорки не имеет отношения к политике и является результатом сведения личных счетов.

Мадридская «Эстафета литерария», всегда обходившая молчанием любые публикации о Лорке, немедленно — это было уже осенью 1956 года — перепечатала самые грязные места пасквиля, а анонимный комментатор (как было выяснено позже, это был не кто иной, как сам генеральный директор прессы Испании, прожженный фашист Хуан Анарио) заявил: «Наконец-то обнажилась вся скандальная прав-

ма гор Сьерры-Невады, все располагает к отдыху. Но семья Лорки охвачена глубокой тоской. Муж Кончиты — сестры Федерико, алькальд Мануэль Фернандес Монтесинос — в тюрьме. Его арестовали 20 июля в служебном казначействе разнужданного населения. Мятежники беспощадно разгромили квартал бедняков Альбайси — единственный район города, где им было оказано сопротивление. Каждое утро на рассвете по всей Гранаде слышны залпы: у кладбищенской стены расстреливают республиканцев и сочувствующих.

В Сан-Висенте мучаются вопросом: как быть с Лоркой? Друзья предложили провести его в республиканскую зону через линию фронта, в которой пока еще много разрывов. Но это опасно. К тому же, несмотря на все тревоги, трудно поверить, что Лорке грозит самое худшее. Да, он — демократ, он — убежденный республиканец и никогда не скрывал этого. Но прямо политикой он не занимался. В Гранаде у него много друзей детства и юности, которые с разной степенью рвения, а часто с колебаниями и неохотой примкнули к мятежникам. Трудно предположить, как сложились бы отношения Лорки с этими людьми, остался он в живых, но в том жарком июле-августе, когда разمهживание в Испании не было окончательным, он еще мог рассчитывать на их помощь и поддержку.

5 августа в дом врывается группа вооруженных людей. Но, оказавшись, они ищут не Лорку. Им нужен садовник Габриэль. Его вводят в сад и принимают зверски избивать. Федерико бросается вперед и собою загоразживает садовника. Его бьют по лицу, говорят при этом:

— Ты помалкивай. Мы хорошо тебя знаем, Федерико Гарсиа Лорка!..

Кривая садовника привлекают проходивший мимо патруль мятежников. Давая объяснения, один из истязателей протягивает удостоверение сержанта правды — фальшивый в отставке и говорит, указывая на поэта: «А это — стихоплет Федерико Гарсиа Лорка. Он попал на нас. Друг красных». А может, и сам красных.

Начальник патруля колеблется. Затем велит увести садовника в город, а Лорку приказывает: «Ты останешься здесь. Но отсюда — ни

музыкант с мировым именем, боготворимый в Гранаде, к тому же ревностный католик, что в те дни было своего рода «охранный грамотой».

Но друзья рассуждают Федерико, что накануне маэстро Фалья обратился к гранадскому губернатору Гранады майору Хосе Вальдесу, ходатайствуя за арестованную соседку-портиху. Вальдес, когда ему доложили о визите маэстро

(это всего лишь в трехстах метрах от дома). Алонсо направляется туда и вскоре возвращается с Мигелем. Позже Мигель вспоминал (его рассказ записан на магнитофон Наном Гибсон): «Напиши об этом в вашей книге — мне не хватило мужества схватиться с ним. Они были вооружены до зубов и могли убить всех нас, в том числе мать и сестру. Что оставалось делать? Пришлось согласиться. Правда, у меня и в мыслях не было, что Федерико расстреляют. Я считал, что дело можно будет уладить поэзией у губернатора».

Для лучшего понимания происшедшего необходимо иметь в виду, что в стане мятежников в первые недели не было единства. Разные главаря оспаривали друг у друга власть, представители различных группировок нередко вступали в стычки друг с другом. В Гранаде сложилась именно такая смутная ситуация. Алонсо и Вальдес ненавидели Росалесов и в борьбе за власть стремились «поставить их на место».

По пути к дому Мигель спрашивает Алонсо, в чем

Фалья сказал, не расслышав: «Он — маэстро? Все учителя — красные. Эгого тоже посадить!» (по-испански слово «маэстро» означает также и учитель школы). Когда же он принял композитора, то сказал ему при всех: «Ты, за которую вы просите, мы задержали как красную. А вы, какой бы вы Фалья ни были, уберите отсюда, пока мы вас не послали за ней следом!» (в 1937 году Фалья удалось эмигрировать в Аргентину).

Лорка отказывается от мысли скрыться у Фальи: это может навредить неприязни на самого композитора. После долгих обсуждений рождается другая мысль: попросить убежища у Росалесов. Глава семьи Росалес — один из самых богатых людей в городе. У него пять сыновей и дочь. Сын Хосе входит в руководство городской фаланги. Всех их Лорка знает с детства. А с Луисом Росалесом, непохожим на своих братьев, он особенно дружен. Луис — тоже поэт в Мадриде они вместе, прибыв в Гранаду, добились признания. Как и Федерико, Луис вернулся в родной город накануне мятежа. Он всегда был человеком, довольно далеким от политики, но совсем недав-

нается каменной грядой. Рядом тихо журчит вода в «Фонтане слез», воспомет еще поэтами Альгамбры, — источник, от которого в древности арабы провели водопровод в Гранаду.

Звучат залпы. Затем одиночные выстрелы — расстрелянных добивают. Могильщик вспоминал много лет спустя, что один из убитых был хромой (это был сельский учитель). На другом был галстук в виде платка: «Знаете, из тех, что носят артисты...» Он похоронил их всех вместе, положив тела одно на другое. Тогда там была оливная роща. Теперь на этом месте стоят загородные виллы. Могилы Лорки — могилы, у которой сейчас можно было бы положить цветы, не существует...

В тот же день поздно вечером (20 августа) Хуан Трескастро вошел в бар «Пасакхе» в самом центре Гранады. С порога закричал на весь зал: «Мы только что разделились с Федерико Гарсиа Лоркой. Я сам ввлек его пулю...» Дальше последовала грязная брань. Те же свидетели рассказали, что его сплуннок по прозвищу Пахаре-рон (он жив по сей день и держит в Гранаде магазин) похвалялся тем, что добивал Лорку выстрелом из пистолета. Затем Пахаре-рон вынул из кармана сплюснутую пулю, опстил в бокал с вином и стал медленно пить; убитый установил свой ритуал — выковыривать пулю из тела жертвы и затем класть ее в вино.

Примерно в эти же самые часы в своей ежедневной беседе по радио из Севильи генерал Кейно де Льяно заявил: «Бенавенте, братя! Кинтеро, Муньос Сеса, Сулоага и даже бедный Самора убиты красными... Они, видимо, твердо решили уничтожить всех выдающихся писателей нашей страны...» Почему именно в тот день, 20 августа, генерал выступил с этой вопиющей фальшивкой? Мнение всех исследователей единодушно: он уже знал о смерти Лорки, санкционировал это преступление и старался замести следы, отвлечь внимание от чудовищного злодеяния с помощью клеветы на республиканцев.

Так, спустя несколько часов после убийства Лорки, начала создаваться лживая завеса лжи. Чтобы развеев ее, потребовалось без малого сорок лет...

Деталь карты. Стрелкой отмечено примерное место, где был убит Лорка

обвиняется Лорка. Тот отвечает: «Он причинил больше вреда своим пером, чем другие — своим пистолетом». Появляется Лорка. Алонсо говорит ему: «Все скоро образуется. Так что вы не бойтесь». Поэт отвечает: «Я и не боюсь».

В десять часов вечера братя Хосе и Луис Росалес возвращаются домой. Узнав о происшедшем, они вместе с друзьями направляются к гранадскому губернатору. Увидев в приемной Алонсо, Луис Росо-

Сейчас Рамон Руисе Алонсо живет в Мадриде. Встретившись с журналистами, он беспомощно замолкает, лишь прошепечав сам себе. Алонсо также вызван в суд Вилю-Сан-Хуана, но там не виден на разбирательство. Возбужденное им дело о «клевете» было прекращено.